

*Основано на реальных событиях.
Все имена изменены,
всякое совпадение с реальными лицами
случайно.*

Плейлист

Cumbia Ninja – Luz De Sombra

Bloom – The Paper Kites

Kanye West & Jay-Z feat. Mr. Hudson – Why I Love You So

Sh10Ra – You Killing Me Inside

New Hope Club feat. R3HAB – Let Me Down Slow

Jaymes Young – Infinity

Elli Eli feat. Raritto San – I Got Summer on My Mind

AURORA – Runaway

Lana Del Rey – Happiness is a butterfly

Bill Withers – Just the Two of Us

Gary Jules feat. Michael Andrews – Mad World

Обычная ночь. Густое черное небо над берегом заволочло сизыми тучами, матовый свет луны почти не пробивался сквозь их плотную пелену. Стрелки часов давно перешагнули за полночь.

Обычная ночь. Ничто не говорило о том, что она изменит их жизни навсегда. Ничто не предвещало перемен.

Джема лежала на кровати и болтала босыми ногами, перед ней горел экран ноутбука. Поздний разговор с подругой Ксюшей – единственная шалость, которую она могла себе позволить. Из грозивших последствий – покрасневшие глаза утром, но это казалось ей сущей мелочью. А вот в остальном послушаться отца и мачеху девушка не смела.

«Стас опять писал мне сегодня на занятиях», – написала Ксюша.

Джема покачала головой. Ее пальчики быстро запорхали над клавиатурой.

«Не понимаю, почему он тебе нравится. Выскочка, – ответила она и добавила: – Лицемер. – И нажала «Отправить».

«Он красавчик», – высветилось в чате.

Ксюша дополнила сообщение забавным эмодзи. Похоже, подруга всерьез заинтересовалась их однокурсником.

«Только не для меня!» – с улыбкой ответила Джема.

«Но для всех девчонок академии – да!»

И еще с десятков стикеров и смайлов.

«Он бабник», – не удержалась Джема.

Она знала, что подруге это не понравится, но ничего не могла с собой поделать. Джема Алиева, дочка мэра, была

отличницей и примером для подражания для многих. Она всегда говорила то, что думала, даже если рисковала показаться занудой.

Разве не для этого девочки дружат — чтобы открыто говорить друг другу правду?

«Ты как всегда», — напечатала Ксюша.

«Ну вот, обиделась».

«Так и есть».

«Нет, ты просто не веришь, что я реально могла ему понравиться!»

«Как и десятки других девчонок», — не унималась Джема.

Меньше всего ей хотелось, чтобы лучшая подруга убивалась по самовлюбленному красавчику, который каждый день тискает новую дурочку на переменке. Кому придется утешать Ксюшу, когда он разобьет ей сердце? Правильно — ей, Джеме.

«Лучше бы ты занялась учебой», — добавила она.

«Фууу! — после недолгой паузы написала Ксюша. — Умешь ты обломать кайф!»

Джема улыбнулась. Всё-таки не обиделась.

Отцы девушек давно и плотно сотрудничали в бизнесе, поэтому Джема и Ксюша дружили с детства. Понимание с полуслова было их наработанным годами навыком.

«Мне кажется, что друг Стаса Дима интересуется тобой», — высветилось на экране. И, разумеется, сообщение тут же дополнилось смущенным смайликом.

«Зато он мне не интересен, — ответила Джема, — со спортсменами не о чем говорить, мы это уже проходили».

«Эй, пора вылезать из своего кокона, малышка! Ты просто стесняешься, поэтому прячешься от парней за горой учебников».

«Я просто правильно расставляю жизненные приоритеты».

Джема улыбнулась, довольная собственной мудростью. Уж сколько раз легкомысленная подруга пыталась ее сосватать кому-нибудь из одноклассников. И чем дольше та упиралась,

- Кей&Джема -

уверяя, что мальчики ей неинтересны, тем с большим рвением Ксюша рвалась в бой.

«Ты вообще помнишь, как он выглядит?»

«Кто?»

«Этот Дима».

«Ну так...»

«Позволь напомнить».

И пока Ксения в красках расписывала достоинства красавчика-спортсмена, Джема всё ярче краснела и всё искреннее смеялась, зажимая рот ладонью, чтобы не наделать шума и не разбудить отца.

Вдруг за балконной дверью раздался глухой удар, послышалось копошение. Девушка прикрыла экран ноутбука и вгляделась во тьму. Звук повторился. «Наверное, птица ударилась об окно», — подумала она. Встала, подошла к балконной двери, надавила на рычаг и распахнула ее настежь.

За минуту до этого, стоя на хрупкой лестнице, прислоненной к фасаду особняка мэра Алиева, и слегка пошатываясь при резких порывах ветра, проклинал всё на свете парень, чьего лица не знал никто в этом городе.

Многие слышали лишь прозвище — Кей, но вряд ли кто-то, кроме близких друзей, знал, как тот выглядит на самом деле. Городская легенда, призрак, злой дух улиц, ведомый жаждой мщения. Он был никем для власть имущих — ничтожеством, бродягой, вандалом. А для обитателей прибрежных трущоб этот парень без лица стал символом сопротивления и борьбы за справедливость.

— Посвети мне, — попросил он.

Его шепот растворился в прохладном ночном ветре.

— Ты что-то сказал? — донеслось снизу.

Кей опустил с лица платок и посмотрел на товарища:

— Посвети мне! Луна зашла за тучи, и я работаю на ощупь.

— Чего?

Лестница была слишком высокой, до парней доносились только обрывки слов друг друга.

– Черт! – Кей был вынужден наклониться и повысить голос: – Фонарь включи!

– Тогда нас сразу заметут! В этом доме десятки окон!

– Включи фонарь на камере, я сказал.

Кей раздраженно махнул рукой и чуть не выронил баллон с краской. Мышцы от длительного пребывания в неудобном положении дрожали и ныли. За последние полгода художник привык работать в разных экстремальных условиях, но тут они с Филей переплюнули самих себя: забрались на территорию особняка самого влиятельного человека в городе, да еще и приволокли с собой шестиметровую лестницу.

Забираясь по ней, парень думал лишь о том, что если получится выбраться отсюда живыми и не попасться в лапы людей Алиева, то он с полным правом сможет считать содеянное чуть ли не подвигом.

– Если я его включу, через секунду прибежит охрана! – каркнул Фил, повышая голос и переходя с шепота на глухой крик.

Он переминался с ноги на ногу, стараясь не наступить на использованные баллоны с краской, раскиданные в траве под ногами.

– А если не включишь, то не сможешь снять и кадра! На черта тогда ты плелся сюда с этой камерой?

– Я не знаю. Чтобы стоять на шухере и держать тебе лестницу!

Новый порыв ветра подтвердил его слова: лестница пошатнулась, и Кею пришлось вцепиться пальцами в стену, чтобы устоять. Металл баллончика с краской звонко царапнул по кирпичной кладке.

– Черт... – Парень сжал зубы.

– Держу-держу, – прохрипел Фил.

Кей взгляделся в рисунок.

Нужно было брать флуоресцентную краску – ничегошеньки не видно. А заканчивать как-то нужно. Дописать, поработать над обводкой, нанести заключительные штрихи.

Дело, конечно, не в красоте, а в смысле, который несло его граффити, но парень привык до последнего бороться за идеальность во всем.

Даже когда его жизни грозила опасность, даже когда отовсюду слышались сирены полицейских машин, он всегда заканчивал работу над рисунком, а затем уже давал дёру. И каждый раз это был бег по краю. Правда, до сегодняшнего дня ему несказанно везло.

— Включи уже его, — прорычал Кей и, изловчившись, стер пот со лба тыльной стороной ладони, облаченной в перчатку. — Хотя бы на пару секунд! Я должен видеть этот кусок.

— Будь ты проклят, — заворчал Фил.

И в следующую секунду матовый луч неуклюже скользнул по стене вверх.

— Ровнее! Сюда!

— Я не могу светить в окна.

— Правее, Филя!

Кей яростно потряс баллончик и продолжил рисовать.

— Хватит? — Фил весь извелся.

Он дрожал так, что лестница ходила ходуном. Возможно, не от страха, а потому, что держать одновременно лестницу и снимать происходящее на видео — занятие не из легких.

— Почти залил этот кусок.

— Выключаю.

Тут же раздался какой-то шум. Чтобы выключить фонарик, Фил вынужден был отпустить лестницу. Та покачнулась, струя баллончика брызнула вправо, Кей выругался.

— Живее! — впиваясь пальцами в лестницу, взмолился Фил.

Он боялся не за себя, а за друга, ведь, чтобы убежать, ему еще нужно было спуститься вниз.

За углом дома послышались встревоженные голоса.

— Всё. Бросай! — торопливо зашипел Фил. — Эй, слышишь? Бежим!

— Беги, — холодно отозвался Кей, продолжая наносить короткие штрихи краской.

— Придурок, — озираясь, вздохнул товарищ. Он торопливо сунул камеру во внутренний карман куртки и постучал ладонью по лестнице. — Еще есть время, бросай всё, и бежим.

— Беги, Филя, я догоню. — Кей сосредоточенно дорабатывал контур.

— Слезай! — Фил топтался на месте, задрал голову.

— Уходи!

Шипение баллончика, возня, шепот выдавали их. Где-то хлопнула дверь, в тишине сада раздался торопливый топот.

— Идём, бросай! — предпринял последнюю попытку Фил.

— Всё будет хорошо, — дыша ровно и глубоко, ответил Кей. — Беги!

— Эй! — прокричали в темноте.

— Беги, я сказал!

Прижимая камеру к груди, Филя рванул через кусты к забору.

— Там! Вон! Лови его! Стой!

Сердце в ночной тишине отстукивало четкий ритм, точно огромный метроном. Парень с баллончиком в руке продолжал свою работу, не слыша криков. Он должен это сделать. Знал, что второго шанса не будет. Сейчас или никогда. Закончит, или никто так и не узнает правды. Это важнее его собственной жизни, от этого зависели жизни других.

Какие-то тени промчались за Филей к ограде. Только слышалось, как хрустят ветки деревьев и глухо звучат шаги по мягкой земле, устланной ровным газоном.

Всё! Он опустил руку и выпустил баллон, забыв, что внизу отмостка. Железяка звонко ударилась о бетон, и сердце парня замерло. Он не успел бросить прощальный взгляд на получившееся граффити, порывом ветра лестницу накрепко. Она закачалась и плавно заскользила в сторону.

Он чувствовал, пока заваливался, шершавую стену, попытался пальцами зацепиться за нее, царапаясь, но равновесие уже было потеряно.

Кей сам не понял, как это вышло: он ухватился за скользкий парапет, зацепился ногой, рывком подтянулся. Лестница рухнула вниз с громким треском.

Голоса замолкли на секунду, а затем зазвенели вновь — уже ближе. Парень понимал, что единственный выход — спрыгнуть на землю, в лапы охранников, но он не привык так просто сдаваться. Вдруг они его еще не увидели?

Одно движение, еще одно. Цепкий взгляд выхватил из темноты очертания балкона. Выдохнул, нацелился, рывок — повис на краю. Подтянулся, забрался, упал. Замер.

Запястье жгло огнем, но ему было не до этого. Он лежал, пытаясь отдышаться. Воздух вырывался из легких со свистом и сильно обжигал пересохшее горло.

— Что это? Откуда звук? — Внизу начинался переполох.

Кей осторожно привстал, боль молнией ударила в ушибленное плечо. Он надел на голову капюшон и только сейчас заметил, что рукав разорван, а из раны на запястье сочилась кровь. Тряхнув рукой, он стиснул челюсти и сделал несколько шагов. Хорошо хоть, что ноги слушались. Привалившись к стене, парень стал судорожно соображать, как ему покинуть территорию дома.

В этот самый момент его внимание привлекло движение в окне, которое выходило на балкон. Что-то блеснуло, будто белесый свет мобильного, и за стеклом, совсем рядом с ним, вдруг выросла тень. А в следующую секунду балконная дверь распахнулась. Крики внизу стали громче, поэтому парню не оставалось ничего, кроме как шагнуть вперед — навстречу тому, кто оказался у него на пути.

Джема оцепенела. Вместе с ночной прохладой и соленым запахом моря в ее комнату ворвалась высокая фигура в черном. Сердце рухнуло в пятки, голова предательски закружилась. Она и рада была отпрянуть в ужасе и закричать, вот только страх парализовал ее так сильно, что даже обычный вдох стал большой проблемой.

Нежданный визитер сделал шаг вперед, и у нее внутри всё сжалось. Она ожидала чего угодно — удара в лицо, грубых слов, ножа, приставленного к горлу, но он просто вошел и прикрыл балконную дверь.

Они остались наедине в ее темной комнате, и от звука биения собственного сердца у Джеммы, кажется, закладывало уши.

— Что вы... — сдавленно начала она.

— Молчи! — приказал незнакомец.

Низкий, властный, бархатный голос. Лица не видно.

— У меня ничего нет! — Ее ресницы затрепетали, вдох застрял в горле.

— Молчи, — тихо повторил он.

Чем от него пахло? Чем-то вроде краски или растворителя. Джемма затаила дыхание. Запах был странным, пугающим. Они с незнакомцем по-прежнему смотрели друг на друга.

Вдруг во дворе вспыхнул свет прожектора, раздались встревоженные голоса, и началась какая-то суета. В доме тоже зашумели, кто-то побежал вниз по лестнице. Вряд ли девушка успела бы позвать на помощь, человек-тень задушил бы ее быстрее, но попробовать можно.

Джемма открыла рот, набрала в легкие воздуха, и в этот самый момент свет со двора теплой желтой полоской скользнул по лицу незваного гостя. Крик девушки потух до тихого восклицания.

Перед ней стоял парень. Молодой, приблизительно ее возраста. Высокий. Выше на целую голову. Худой, но его плечи были достаточно широкими. Одет во все черное: штаны, толстовка, кроссовки, на голове капюшон, спадавший низко на лицо. Из-под капюшона торчали прядки черных кудрявых и, кажется, жестких волос.

Девушка сглотнула, разглядывая его.

Точеные линии скул, мягкие пухлые губы, прямой нос, решительное лицо. Из-под полуопущенных век парня темно-янтарными огоньками блеснули беспокойные глаза.

- Кей&Джема -

И тут Джема опешила. Но не от того, что не обнаружила в этом взгляде враждебности или жестокости, а от того, насколько экзотично выглядел этот негодяй, посмевавшийся ворваться к ней среди ночи. В теплых отсветах уличных огней его кожа отливала молочным шоколадом. Парень был темнокожим.

Девушка молчала. Беззвучная борьба взглядов в полутьме продолжалась. Крики за окном и внутри дома становились громче, а эти двое словно увязли в глазах друг друга и повисшей между ними тишине. Они оцепенели по какой-то неясной обоим причине.

Парень просто стоял и, тяжело дыша, смотрел на Джему. Она тоже вглядывалась в черты его лица, пыталась рассмотреть хоть что-то, кроме ярко сверкающих глаз.

Заставили их отвлечься друг от друга только тяжелые торопливые шаги по коридору. Они приближались. Три, два, один — как в замедленной съемке. Парень бросил короткий взгляд на дверь, прижался спиной к стене и медленно потянул на себя плотную штору.

Джема словно во сне наблюдала за его действиями. Скрипнула дверь, вспыхнул свет, и девушка невольно зажмурилась. Нос все еще щекотал запах краски — значит, ей не приснилось.

— Дочь, все в порядке?

Она обернулась. Светом резануло глаза. На пороге стоял отец, он запыхался.

— Да, — вымолвила девушка, не в силах сдвинуться с места.

Сулейман Алиев, просканировав взглядом комнату, быстро оценил ситуацию: девочка в порядке, окна закрыты, на кровати ноутбук — значит, она не спала, занималась уроками.

— Папа, что-то случилось? — хрипло поинтересовалась Джема.

Она и сама не знала, почему не выдала незваного гостя. Казалось бы, посмотри на штору, покажи отцу взглядом, где

притаился чужак, и ты спасена. Но ее жгло огнем при одной мысли о том, чтобы взглянуть в ту сторону.

Позже она десятки раз прокрутит в памяти этот момент, но так и не поймет, что руководило ею в то самое мгновение.

— Всё хорошо, детка. — Отец прошагал к окну.

Подошел совсем близко, и сердце девушки замерло. Мужчина вгляделся в свет прожекторов за окном.

— Что такое, папа? — едва слышно пробормотала она.

И сделала шаг, встав между ним и злосчастной шторой. Из мыслей почему-то в голове крутилась лишь одна: «Пусть он ничего не заметит — ни моего волнения, ни запаха краски».

— Да так, — отмахнулся отец, судорожно вглядываясь в пейзаж за окном. — Набезобразничал у нас кто-то, сейчас ребята разберутся. Ты не волнуйся.

Он повернулся к ней, и Джема стыдливо опустила взгляд. И сердце снова предательски вздрогнуло: на полу, возле ее ног краснело несколько капель крови. Чьих? Естественно ее визитера.

Подчиняясь какому-то неведомому инстинкту, девушка наступила на них босой ступней, чтобы скрыть от взгляда отца. И тот, увлеченный переживаниями, ничего не заметил: быстро коснулся губами лба дочери и поспешил к двери:

— Сиди у себя, Джема. Никуда пока не выходи.

— Хорошо, — не узнавая собственного голоса, отозвалась она.

— Уже за полночь, ложилась бы ты спать.

— Да, папа.

Хлопнула дверь. Судя по звукам, суматоха во дворе лишь набирала обороты, и ее отец поспешил туда.

Девушка, дрожа всем телом, медленно обернулась. Гость не стал дожидаться, когда она к нему обратится, и сам отдернул штору. Нахмутив брови и стиснув челюсти, парень внимательно смотрел на нее.

Теперь, в свете ламп, она могла рассмотреть его внимательнее. Кожа визитера не была совсем черной. Просто смуглой или загорелой она тоже не была. Скорее всего, парень

был метисом. Какао с молоком, моккачино, светло-коричневый? Она перебирала в уме возможные названия оттенков его бархатной кожи, одновременно сжимаясь в комок от страха.

– Как мне выйти? – Меж пухлых, сочных губ сверкнули белоснежные зубы.

Джема не знала, что ответить. Провела взглядом по его напряженному лицу и скользнула вниз, отыскивая то, что ее беспокоило, наконец остановилась на изодранном рукаве.

Еще несколько капель крови капнуло на пол.

– Кровь, – хрипло проговорила девушка. Сглотнула и повторила: – У тебя кровь.

Парень в недоумении поднял руку и повернул ее запястьем вверх.

– Черт...

Джема показала дрожащим пальцем на его шею:

– Платок.

Незнакомец, кривясь от раздражения, попытался содрать свободной рукой платок.

– Подожди!

В животе у нее всё оборвалось, когда она встала на цыпочки и потянулась к нему. Парень тоже заметно напрягся: застыл, вытянулся в струну, уставился на нее.

– Вот, – прошептала она, снимая с его шеи платок и протягивая парню.

Гость грубо выхватил его из ее пальцев и попытался завязать запястье.

– Давай я, – предложила Джема.

Он застыл с приоткрытым ртом, но сопротивляться не стал.

Девушка спешно задернула край шторы, чтобы их силуэты не мелькали на фоне окна, и перехватила края платка. Завязав их аккуратным узелком, она вопросительно уставилась на него.

Парень молчал и глубоко дышал. Вдыхал и выдыхал, но никак не мог вдохнуть как следует. Желудок всё еще коло-